

В. С. ДУБИНА

**«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»
В ПЛЮРАЛИЗМЕ КУЛЬТУРНЫХ ПОВОРОТОВ
РОССИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ**

Отличия научных культур происходят из многих, в том числе ненаучных источников. Так формирование направления «истории повседневности» в Германии и России, несмотря на непосредственное влияние немецких авторов на развитие этого метода в России, приобрело различный формат. Здесь сыграли роль и различные стереотипы, господствовавшие в этих обществах, и различное происхождение интереса к повседневному, и различная функция этого направления в исторической науке обеих стран. Рассмотрению этих специфических влияний на развитие метода в России и Германии посвящена эта статья.

Ключевые слова: *история повседневности, методы исторического исследования, академическая наука в России и Германии.*

Российское историческое сообщество не разглядывает более «общеευропейское» из-за железного занавеса, а действует в нем по принципу канадских школьников, осваивающих теоретическую программу мультикультурализма: «Мы все разные — но мы одно целое»¹. Есть надежда, что не повторится больше ситуация, когда Ю. М. Лотман был неизвестен своим коллегам-семиотикам за рубежом или, когда М. М. Бахтин нашел путь к русскому читателю только через США. Несмотря на это, повседневный научный словарь содержит разделение на науку нашу и европейскую, а в еще более общем смысле, на «нашу» и «западную».

Тот факт, что некоего общего Запада не существует, что он состоит из различных научных культур, конечно, всем очевиден, но стереотип все равно жив. Так же живуче и представление о традиционных «национальных» научных школах: например, о глубокой фундированности немцев, поверхностности американцев или заиклинности на «национальном» у русских. В этом есть, конечно, своя доля правды: открывая статью, уже по количеству сносок или структуре текста можно предположить к какой национальной традиции

¹ Garcia, Van Soest. 2000. P. 25.

принадлежит ее автор. Эти же культурные предпочтения вызывают часто и взаимонепонимание, например, между русскими авторами и редакторами иностранных журналов, потому как то, что в одной научной среде считается «неприличным», является нормой для другой.

Не умножая анекдотов о том, что немцы задают вопросы по полчаса, а в России в ответ на высокотeorетическое выступление можно услышать букет коротких фактологических замечаний, или того, что в немецких текстах принято рассказать в самом начале не только структуру статьи, но и поведать ее главные выводы, от чего статью можно далее и не читать, — очевидно, что отличия научных культур происходят из многих, в том числе совершенно ненаучных источников. Одним из самых интересных отечественных феноменов, мне представляется напряжение между преклонением перед пришедшими с Запада теориями и моделями исследования и, в то же время, постоянное обесценивание их как «подражательных», в стиле пренебрежительного «европейничанье — болезнь русской жизни» Н. Я. Данилевского².

Переводы зарубежных классиков спровоцировали в нашем научном сообществе целую «тематическую революцию» (например, перевод Мишеля Фуко повлек за собой взрыв работ по изучению сексуальности). При этом часто зарубежные исследования критикуются как поверхностные под девизом «что они (иностранцы) могут знать и/или написать о России?», и делают это часто те же самые, вдохновленные иностранными методами люди³. Этот феномен существует не только в научном сообществе, но и среди далеких от науки людей. Идеальный образ Запада не сходит с наших уст, несмотря на то, что рассказы о Западе изобилуют рассуждениями, которые, казалось бы, должны были разрушить этот образ⁴. Живучесть этого идеала, этого *laterna magica* российского общества порождает полярное отношение к работам иностранных ученых — от неременного желания быть среди них «своими», быть принятыми и идти в ногу со временем, до бессознательного отторжения этих методов.

Такое эмоционально нагруженное отношение к зарубежным методам и теориям, создает априорную тенденцию, что идеи иностран-

² Данилевский. 2003. С. 3.

³ См., например, дискуссию о статье Катрионы Келли «Школьный вальс»: Келли. 2004. С. 104-154.

⁴ Хапаева. 2002. С. 147.

ного теоретика будут «неправильно» интерпретированы отечественными учеными, не поняты или не так применены, что часто лежит в основании критики научных работ соотечественников⁵. Этот же прием используется и для того, чтобы продемонстрировать новизну своего исследования и дистанцироваться от существовавшей прежде традиции изучения темы: идя вслед за крупным зарубежным теоретиком, можно показать свое отмежевание от остального сообщества отечественных ученых⁶. Поэтому различные «новые методы», часто ударяют в голову неподготовленному уму, как вино трезвеннику, и появление интересной идеи или поля исследования, вроде «Сценариев власти» Р. Вортмана, вызывает целый «вортмановский поворот».

О новых тенденциях в исторических исследованиях в последнее время вообще принято говорить на языке «поворотов»: заимствование историками методов смежных дисциплин, например, антропологии или лингвистики, называется соответственно антропологическим и лингвистическим поворотами; появление новых тематических полей, вроде изучения пространства или массовое увлечение изучением империи — имперским и пространственным поворотами⁷. Нововведения, конечно, производят в науке изменения разного масштаба, но практически каждое предьявляет претензии на статус переворота. Рядом с антропологическим поворотом, повлекшим за собой появление таких долгосрочных методологических перспектив как историческая антропология, история повседневности или микроистория, стоят более скромные, как, например, упомянутый имперский поворот.

Мода на повороты приходит и уходит и это свойственно, разумеется, не только русским ученым. Однако благодаря упомянутому выше эмоционально нагруженному отношению к зарубежным теориям и методам, а также дискредитации в перестроечные годы собственной научной традиции, научное сообщество России находится в этом отношении в нестабильном состоянии. В отличие, например, от Германии, где столпы социальной истории до сих пор могут по-

⁵ См., например, предисловие к сборнику «Прошлое крупным планом», где авторы разбирают вопрос о применении микроисторического подхода в отечественных исследованиях. — *Кром*. 2005.

⁶ См., например, работу О. Е. Кошелевой о Петербурге, где она легитимизирует новизну своего исследования, перефразируя слова Клиффорда Гирца: «Я исследую не города, а в городах». — *Кошелев*. 2004. С. 3.

⁷ *Bachmann-Medick*. 2006; См. об имперском повороте: *Долбилов, Сталюнас*. 2006. С. 359-365.

зволить себе свысока смотреть на плюрализм «культурных подходов», в России возникает обратная ситуация, когда культурная история становится эталоном и для других жанров историографии и споры ведутся в основном о том, за каким западным теоретиком мы идем, и как он вписывается в систему других новых теорий⁸. Примером может служить ставшее в последнее время крайне популярным направление «история повседневности» (*Alltagsgeschichte*), на котором я собираюсь остановиться подробнее⁹.

Несмотря на то, что в России термины «повседневность», «повседневная история» употребляются широко и активно, их дефиниции основываются на теоретических спорах западных историков, что привело не только к «трудностям перевода», но и к потребности куда более важной для России, чем для западной Европы, представить зарубежные методы в виде ясной схемы и/или иерархии различных теоретических школ¹⁰. Кроме очевидных сложностей в составлении такого обзора, есть еще проблема потери связи с контекстом, в котором развивались эти теоретические дискуссии, и который, по оценкам одного из создателей *Alltagsgeschichte* профессора Альфа Людтке, во многом задавал тон в развитии истории повседневности¹¹.

А. Людтке известен в России по большей части своими теоретическими статьями на тему «что такое история повседневности»¹². Его работы по истории рабочего движения и властных практик имеют в России меньший резонанс, хотя одна глава из его книги, посвященной будням немецких рабочих, также публиковалась в русском переводе¹³. Одним из ключевых понятий этих исследований

⁸ См., например, результаты Круглого стола «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX вв.», где значительная часть дискуссии была посвящена вопросу о том, развивается ли российская история понятий вслед за немецкой традицией Р. Козеллека или за английской К. Скиннера и Р. Поккока. — Исторические понятия и политические идеи в России... 2006.

⁹ См. подробнее в интервью с А. Людтке: *Дубина*. 2007. С. 7-35.

¹⁰ О русской историографии повседневности, см., например: *Пушкарева*. 2004. С. 41-63.

¹¹ *Дубина*. 2007. С. 10.

¹² На русском языке см.: *Людтке*. Что такое история повседневности?.. С. 77-100; *Он же*. История повседневности... С. 121-125.

¹³ *Lüdtkе*. 1993. В том же году глава из книги вышла в журнале *International Review of Social History* и позже была переведена на русский язык: *Людтке*. 1996. С. 64-129. В издательстве РОССПЭН в ближайшее время выйдет

является введенный им в научный оборот термин «Своеволие» (Eigensinn), который лежит в основе критики биполярной концепции власти, разделяющей общество на властвующих и противостоящих ей¹⁴. В своей книге о повседневной жизни фабричных рабочих (начиная с кайзеровской Германии и кончая фашизмом) А. Людке показал, что, кроме прямого неподчинения или забастовки, существуют и другие мотивы поведения и другая логика противостояния — например, тихое уклонение от работы. Из этих исследований складывалась другая концепция осуществления власти: зависимость людей никогда не бывает полной; даже при таких режимах как фашизм или сталинизм исторические акторы всегда находят место для своеволия, то есть не только воспринимают «команды», но и преследуют собственные стратегии, тем самым влияя на власть.

Под повседневностью в немецкой традиции понимается не изучение быта как такового — она исследует не просто во что были одеты немецкие крестьяне, что они ели или пили. История повседневности тесно связана с человеческим опытом, и часто с опытом еще живущих людей, то есть она сама постоянно продуцирует новый опыт. Возможно, вследствие этого *Alltagsgeschichte* менее всего склонна к академизму, что проявляется в форме написания текстов и в значительной общественной ангажированности, а также в особой атмосфере научной работы, отличной от традиционной, в том числе и традиционной немецкой. История повседневности развивается не в изолированных университетских кабинетах, а в рабочих группах, коллоквиумах, совместных проектах — благодаря кооперации многих ученых, в том числе и разных специальностей.

Таким образом, интерес к истории повседневности вышел в Германии не совсем из научных кругов, или даже совсем не из научных кругов. Историки 1970-х гг. занимались изучением безличных процессов и структур, программ, идей и концептов, тогда как обсуждение проблемы повседневности было связано с работой школьных учителей, и прежде всего, с преподаванием истории немецкого

в свет сборник статей Альфа Людке на русском языке «История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти».

¹⁴ Здесь имеется в виду, что термин «Своеволие» (Eigensinn) был введен А. Людке как ключевое понятие властных отношений на фабрике. Это понятие встречается в историографии с 1800 г. в других контекстах. См. подробнее: Lüdtke. 2002. S. 64-66.

фашизма. Динамика изменений происходила не из академической среды, а из общественных инициатив, и развивалась благодаря региональным группам активистов, которые действовали под девизом “*Take History into our own hands*”. Это было связано также с массовыми акциями по переименованию улиц в начале 80-х гг.: конечно, уже не существовало улицы Гитлера или Геббельса, это было запрещено сразу после войны, но был еще средний слой участвовавших или поддерживавших нацистский режим. Поэтому особенностью истории повседневности в Германии стала концентрация на темах современной истории и, прежде всего, немецкого фашизма. Это направление в истории выросло из опыта переосмысления фашизма, точнее — из опыта коллективного соучастия.

Со стороны этаблированной академической среды Германии это движение было встречено с надменностью и высокомерием: даже еще в середине 1990-х гг. университетские профессора-историки позволяли себе презрительные замечания вроде «История будней! А что делают ваши исторические субъекты в выходные?»¹⁵.

В России интерес к истории повседневности вышел как раз из академической и околонучной среды. На общественном уровне этот интерес менее всего соотносится с темой сталинизма и переосмыслением коллективного травматического опыта — к этому вопросу апеллирует в России более история памяти, выросшая во многом из французской традиции изучения исторической памяти¹⁶. История же повседневности концентрируется на вопросах жизни королей, дворян или даже моряков-подводников, на тех бытовых характеристиках, о которых «забыла» официальная советская история. Вопросы отношения власти и исторических акторов, сопротивления и подчинения российской истории повседневности затрагивает редко и предлагает читателю некий гибрид из мемуарной литературы и этнографического бытописания¹⁷. Оттого радиус действия этого метода в России не так велик, хотя это направление и не испытало на себе презрения акаде-

¹⁵ Alltag (нем.) — Будни. Термин Alltagsgeschichte — история будней, принято переводить на русский язык как История повседневности.

¹⁶ См.: Нора. 2005.

¹⁷ В близком к Alltagsgeschichte ключе написана книга С. Журавлева (см.: Журавлев. 2000), но она тоже не приводит к глобальным выводам об отношении власти и общества.

мической общественности и, даже наоборот, используется как необходимое дополнение к истории культуры, досуга и спорта¹⁸.

В 2003 г. история повседневности была включена в перечень основных направлений фундаментальных исследований Российской академии наук, а также теперь официально входит в учебный план по специальности «Культурология», что означает обязательное преподавание курса студентам этой специальности во всех университетах России¹⁹. Курсы по истории повседневности преподавались в России и прежде, например, в РГГУ и Институте Европейских культур²⁰, но теперь эта авторская и, в любом случае, штучная работа была поставлена на поток, а потому перед теми преподавателями, которым прежде не приходилось работать с этой темой, встал вопрос — как вообще можно преподавать системную историю повседневности? Один из самых простых путей, активно используемый в региональных университетах — история обычаев и традиций разных народов в разные времена или нечто вроде истории искусства.

Таким образом, в отличие от немецкой *Alltagsgeschichte*, в русской традиции история повседневности способствует укреплению старых иллюзий, что жизнь раньше была разнообразней и интересней. Для немецкой истории повседневности важно действие исторических акторов, их соучастие, например, в обеих мировых войнах. Для русского метода описания будней — важна повторяемость прошедших дней, описание деталей быта, но при этом действие теряется из виду.

Немецкая *Alltagsgeschichte* в теме нацизма и фашизма поставила вопрос о действии отдельных людей, а не неких типажей вроде «рабочего» или «трудящегося». В истории рабочего движения трудящийся представлен как борец, настоящий пролетарий, а если посмотреть на повседневность, то там люди доносчики, они мародерствуют в домах депортированных евреев, аплодируют, когда кто-то проходит мимо с табличкой “*Rassenschande*”²¹. Эти во многом ужас-

¹⁸ Это указание является парафразом высказывания известного социального историка Германии Х.-У. Велера, отведшего истории повседневности место красочного дополнения в разделе культуры и спорта. — *Wehler*. 1979. S. 709-753, 744.

¹⁹ Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 года // Поиск. 2003. № 35. С. 6.

²⁰ См.: *Гавришина*. 2000.

²¹ *Rassenschande* — «осквернение расы», термин, использовавшийся нацистами для обозначения брака или интимной связи между евреями и арийцами.

ные действия стали для А. Людке центральными в исследовании повседневности. Изучение горькой стороны человеческих поступков позволяет избавиться от иллюзий.

История повседневности получила в России статус метода, тогда как ее представители в Германии считают ее неким направлением, использующим различные методы, которые позволяют подойти ближе к образу, созданному самими субъектами истории, или, как принято говорить, историческими акторами. К таким подходам, если это касается современной истории, принадлежит, прежде всего, устный опрос. Кроме того, история повседневности работает не только с написанными, напечатанными или рассказанными текстами, но стремится также установить связь со всей сферой визуального (*bildlichen*), то есть ключевая характеристика такого подхода — транстекстуальность (*Intertextualität*). Связанные с повседневностью исследования ставят проблему параллельного действия этих трех форм восприятия. Благодаря этому, они могут поколебать представления о рациональном и иррациональном, которые так долго не ставились под сомнение, и предложить в итоге новую концепцию рационального.

Есть основание надеяться, что, несмотря на разное происхождение и эмоциональное наполнение понятия повседневности в Германии и России, содержащаяся в *Alltagsgeschichte* посылка на переоценку роли исторического субъекта в тоталитарных режимах, найдет свое развитие и на русской почве. Очень важная для современной России перспектива новой концепции рационального, способна, так сказать, сделать историю «живой»: исторические актеры, то есть люди, действовавшие и действующие в истории, — не просто жертвы властей или обстоятельств, не просто пассивные зрители происходящих изменений. Они также постоянно преследуют собственные стратегии, тем самым влияя на власть.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гавришина О. В.* Подходы к изучению культуры повседневности: Программа семинарских занятий // Программы учебных курсов. Институт европейских культур. Отв. ред. Д. П. Бак. М.: РГГУ, 2000. 292 с.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Алгоритм, 2003. 639 с.
- Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 359-365.

- Дубина В. С. «Будничные» проблемы повседневной истории: беседа с проф. А. Людтке о развитии Alltagsgeschichte, о ее дефицитах и положении среди других направлений // Социальная история. Ежегодник. М., 2007. С. 7-35.
- Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанового завода в советском обществе 1920-х-1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
- Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104-154.
- Копосов Н. Е. (ред.) Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XIX вв. СПб.: Европейский университет, 2006.
- Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова. М.: О.Г.И., 2004. 488 с.
- Кром М.М. (ред.) Прошлое крупным планом. М.: Алетейя, 2003. 267 с.
- Людтке А. История повседневности в Германии после 1989 // Казус. 1999. С. 121-125.
- Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. 1999. С. 77-100.
- Людтке А. Полиморфная синхронность: немецкие индустриальные рабочие и политика в повседневной жизни // Конец рабочей истории? М.: Улисс, 1996. С. 64-129.
- Нора П. Франция-память. СПб.: Издательство С-Петербург. Университета, 2005. 325 с. (Новая Петербургская библиотека).
- Приложение к постановлению Президиума РАН от 1 июля 2003 г. № 233 «Основные направления фундаментальных исследований» // Поиск: Еженедельная газета научного сообщества. 2003. № 35.
- Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и проблемы повседневности глазами историка // Социальная история. 2003. М., 2004. С. 41-63.
- Хапаева Д. Р. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Звезда, 2002. 269 с.
- Bachmann-Medick D. Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verl., 2006. 409 s.
- Garcia B., Van Soes D. Facilitating Learning on Diversity: Challenges to the Professor // Journal of Ethic and Cultural Diversity in Social Work. V. 9. 1-2. 2000.
- Lüdtkе А. Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus. Hamburg: Ergebnisse Verl., 1993. 445 s.
- Lüdtkе А. Eigensinn. in: Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe // Jordan S. (Hrsg.) Stuttgart: Reclam, 2002. S. 64-66.
- Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute // Habermas J. (Hg.) Stichworte zur „Geistigen Situation der Zeit“. Bd. 2. 1979. S. 709-753.

Дубина Вера Сергеевна, к.и.н., докторант института Этнологии и Антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Vera.dubina@gmail.com.